

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-6-14
УДК 339.924(045)
JEL P47

«Мягкая сила» и трансграничная экономическая интеграция

Е.Л. Морева

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6355-7808>

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена важностью использования взаимосвязи и взаимозависимости «мягкой силы» и трансграничной экономической интеграции как вектора развития современной экономики. Их соотношение, а также возможности и пути воздействия на них, рассматриваемые на концептуальном и практическом уровнях, составляют предмет исследования настоящей статьи и способствуют реализации интересов России на пространстве ЕАЭС, а также в проекте на базе китайской инициативы «Один пояс – один путь» (проект Belt and Road Initiative, BRI). Активное участие в них нашей страны обусловило выбор объекта исследования – Евразийский экономический союз и проект BRI, экономическое развитие которых анализируется сквозь призму использования «мягкой силы». По результатам анализа сделаны выводы о целесообразности применения «мягкой силы» для эффективного развития трансграничной экономической интеграции, а также форсирования характерных для интеграции этого типа трансграничных связей, участниками которых являются как государственные, так и частные организации, нацеленные на то, чтобы добиваться получения населением и бизнесом прямых выгод от непосредственного сотрудничества между собой.

Ключевые слова: «мягкая сила»; трансграничная экономическая интеграция; интеграционное объединение; Евразийский экономический союз; «Один пояс – один путь»; интеграция «снизу»; неформальная интеграция

Для цитирования: Морева Е.Л. «Мягкая сила» и трансграничная экономическая интеграция. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(6):6-14. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-6-14

ORIGINAL PAPER

“Soft Power” and Cross-Border Economic Integration

E.L. Moreva

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6355-7808>

ABSTRACT

The relevance of the research is due to the importance of using the relationship and interdependence between «soft power» and cross-border economic integration as a vector of the modern national economy development. Their relationship inter se, as well as the possibilities and ways of influencing them, considered at the conceptual and practical levels, are the subject of the research covered by this article.

The solution of these issues is designed to facilitate the implementation of Russia's interests in the EEU space and in the project based on the Chinese initiative «one belt, one road» (BRI project). The active participation of our country in both activities led to the choice of the research object – the Eurasian economic Union and the BRI project, whose economic development is analyzed through the prism of «soft power» utilization for this purpose.

Based on the results of the analysis, conclusions are drawn about the expediency of using «soft power» for the effective development of cross-border economic integration, as well as the need to boost the cross-border relations characteristic of integration of this type, which are participants of both public and private organizations of different types and directions, which are aimed at obtaining direct benefits from direct cooperation between the population and business.

Keywords: “soft power”; cross-border economic integration; integration association; Eurasian Economic Union; “one belt, one road” initiative; bottom-up integration; informal integration

For citation: Moreva E.L. “Soft power” and cross-border economic integration. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2020;13(6):6-14. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-6-14

© Морева Е.Л., 2020

ВВЕДЕНИЕ

Современное социально-экономическое развитие все больше находится под воздействием неэкономических факторов — политических, культурных, социальных и др. Опирающиеся на достижения четвертой промышленной революции, они приобрели в настоящее время особое значение, существенно влияя на предпочтения социально-экономических субъектов и принятие ими решений, которые задают направление их хозяйственных действий и в результате обуславливают получение важных социально-экономических эффектов.

К числу таких факторов относится то, что подрастается сегодня под понятием «мягкая сила», получившим в научной среде широкое признание вследствие необходимости учета в политической, экономической и общественной жизни социально-гуманитарных причин принятия решений, обуславливающих добровольные действия акторов. Последнее особенно важно в нынешних условиях, когда на повестке дня стоит поиск адекватных современным реалиям способов развития мирового сообщества без насилия, конфликтов и войн.

В свою очередь, анализ «мягкой силы», путей ее формирования и хозяйственных эффектов от ее применения актуален и в отношении сложных структур, например трансграничных интеграционных образований. Тесное переплетение в последних экономической и политической составляющих, их комплементарность и взаимная зависимость позволяют предполагать наличие существенной связи между региональными интеграционными процессами в сфере экономики и «мягкой силой» в общественно-политической деятельности ее участников, когда первые способствуют укреплению второй, а та создает условия для дальнейшего развития региональной интеграции.

Учитывая императивы политико-экономического развития нашей страны, в том числе укрепление ее связей с основными партнерами на постсоветском пространстве, объектами исследования в настоящей статье являются трансграничные интеграционные практики в рамках инициативы КНР «Один пояс — один путь» (*Belt and Road Initiative*, далее — *BRI*)¹

¹ Великий Шелковый путь — караванная дорога, связывающая Восточную Азию и Средиземноморье в древности и Средние века, получил новое название в рамках инициативы «Один пояс — один путь» (*BRI*), претворение завершения которой планируется к 100-летней годовщине КНР в 2049 г., после пересмотра его прежних названий

и деятельности Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС).

КОНЦЕПЦИИ ПОНЯТИЯ «МЯГКАЯ СИЛА»

Обозначение «мягкой силы» как способа влияния особого рода, побуждающего субъекта, на который она направлена, к добровольному действию, стало результатом многочисленных научных исследований. Среди разработанных ранее и похожих на современные подходы к понятию термина «мягкая сила» можно назвать концепцию власти над мнениями Э. Карра, которая дополняет военную и экономическую власти; идеи трехмерной власти С. Люка, позволяющей воздействовать, формировать и определять желания и помыслы лиц как объектов властного влияния, а также подход Дж. Нея, впервые использовавшего термин «мягкая сила» [1–3].

В современных исследованиях «мягкой силы» рассматриваются ее разные аспекты, которые не всегда согласуются между собой и слабо учитывают ее связь с экономикой.

Так, в исследованиях сущности «мягкой силы» ее сопрягают, *во-первых*, с понятиями «демократия», «свобода» и «цивилизация» [4], *во-вторых*, со способностью «заставлять других хотеть того же, что и вы» и добиваться этого через формирование привлекательности объекта, т.е. в рамках властных отношений [5]. Близким этой трактовке «мягкой силы» является взгляд на нее как стратегию реализации национальных интересов [6]. Политическая

«Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века», что и было зафиксировано в марте 2015 г. на ежегодном азиатском форуме в Боао в документе под названием «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». Тем самым были объединены два прежде считавшихся отдельными проектами (инициативы), впервые обнародованные председателем КНР Си Цзиньпином в Астане и Джакарте осенью 2013 г., — «Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века». На выбор первого названия повлиял получивший широкую известность термин, который был введен в оборот в конце XIX в. немецким географом Ф. фон Рихтгофеном для обозначения торговых путей, складывающихся во II в. до н.э. между Дальним Востоком и Передней Азией, и который приобрел обновленное значение в условиях императивов развития трансграничных регионов на рубеже последних двух столетий. Тесно связанным с этим термином было и название второго упомянутого проекта, фактически превратившегося в его производное.

составляющая «мягкой силы» выделена в Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой она рассматривается в качестве инструмента решения внешнеполитических задач, опирающегося на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные и гуманитарные методы и технологии, дополняющие традиционные дипломатические методы. *В-третьих*, «мягкую силу» выделяют вне зависимости от того, работают ли целенаправленно власти над созданием своего привлекательного образа в глазах объектов влияния и формированием у них положительных оценок или нет.

Таким образом, понятие «мягкая сила» выходит за рамки отношений власти, формирующей привлекательный образ государства, которое на добровольной основе объединяет вокруг себя других субъектов [7]. К их числу относятся политические, природные, сакральные, эгоистические (выгодоприобретательские [2]) отношения. К ним представляется правомерным отнести и экономические связи.

Вывод о присутствии экономического фактора в процессе формирования «мягкой силы» для обеспечения ее привлекательности обусловлен наличием у этой силы политических ценностей, признаваемых и легитимизируемых в других странах. К числу условий реализации «мягкой силы» относят национальную культуру, в том числе представляемую как высоким искусством и государственной системой образования, так и массовой культурой, предназначенной для развлечения широких масс населения. Наконец, среди важных предпосылок реализации «мягкой силы» выделяют национальную принадлежность организаций СМИ, непосредственно занятых формированием положительного образа страны.

Указанные условия, тесно зависящие от экономического состояния региональных участников, предполагают учет специфики хозяйственной деятельности их субъектов, т.е. признают ее важной составляющей комплекса предпосылок реализации «мягкой силы».

В отличие от такого опосредованного признания значимости экономики для «мягкой силы», важность для нее привлекательной модели хозяйственной деятельности ее субъектов декларируется более открыто. Ряд исследователей определяют ее как необходимое условие реализации «мягкой силы» [8].

При этом, однако, остается открытым вопрос о путях воздействия экономической сферы на ме-

ханизмы формирования и развития «мягкой силы», что объясняется нижеследующим.

Во-первых, их сводят к наличию особых связей, опосредующих формирование образа субъекта «мягкой силы». В отсутствие доверия к ней складывающиеся отношения между объектом и субъектом «мягкой силы» оказываются в лучшем случае нейтральными или вызывающими подозрение. В обоих случаях привлекательный образ партнера не возникает и «мягкой силы» как таковой не формируется [9].

Во-вторых, исследователи обращают внимание на важность комплементарных связей между отдельными элементами механизмов «мягкой силы». Дж. Ней, например, определяет их через отношения сотрудничества, формирующиеся между сторонами при разработке ими программы действий, использовании лозунгов, мотивирующих принятие результатов взаимодействия, а также через специальные институты, стандарты и правила, которые дополняют первые. Их сочетание, по мнению ученого, позволяет формировать у объектов «мягкой силы» добровольный и осознанный выбор в пользу ее субъекта [10].

В-третьих, ученые считают важными контроль за информацией и средствами массовой коммуникации, а также управление процессами социализации [2].

Однако во всех случаях не проясняется, обеспечиваются ли экономические отношения доверия, влияют ли экономические связи на необходимые для эффективной реализации «мягкой силы» институты, стандарты и правила, контроль за СМИ и управление социализацией. Правда, ряд важных аспектов этих проблем получил отражение в специальной литературе, напрямую не рассматривающей проблематику «мягкой силы». Это позволяет предположить, что связь между экономикой и практикой реализации «мягкой силы» существует, требуя целенаправленных исследований.

Подобные же проблемы возникают и по поводу оценок результатов действия «мягкой силы». Определяя их в терминах игры/ситуации с ненулевой суммой, аналитики допускают разное распределение результатов воздействия «мягкой силы» между ее субъектами и объектами — неравномерное и равномерное. Одни склоняются к первому, объясняя его тем, что в «мягкой силе» выражается неограниченное стремление субъекта проводить собственные национальные интересы. Другие допускают обратное, связывая его с возможностью взаимного обогащения и выгодного сотрудничества сторон. Для этого, считают они, концепция «мягкой силы»

должна ориентироваться на долгосрочные связи между партнерами и предусматривать участие негосударственных акторов в процессах реализации «мягкой силы» [11].

Симптоматично, что с точки зрения воздействия на эти процессы экономического фактора круг таких акторов не ограничивается только политическими организациями, и к ним относят профессиональные, культурные, образовательные и иные негосударственные структуры, которые сегодня играют все большую роль как в общественно-политической жизни, так и в экономике.

Наконец, по порядку, но не по значению, важным элементом механизма обеспечения результативности действия «мягкой силы», относящегося и к политической, и к экономической сферам, называют конкуренцию между государствами за обретение ими привлекательного образа на международной арене.

Таким образом, экономическая сфера выступает в качестве относительно самостоятельной области или проекции общественной жизни, которая, с одной стороны, влияет на условия и механизмы формирования «мягкой силы», а с другой стороны, сама оказывается под ее влиянием и выступает в качестве фактора, способного стимулировать или, наоборот, тормозить ее развитие.

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ И ОЦЕНКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Многообразие форм и способов измерения и оценки «мягкой силы» является воплощением глубоких различий между ними по содержанию (предметами оценок могут служить используемые государством или негосударственными акторами инструменты/формы воздействия, а также оказанные «мягкой силой» эффекты, в том числе изменения в состоянии объектов воздействия, восприятия ими субъектов «мягкой силы») и структуре.

В одних подходах оценки «мягкой силы» формируются из сложного набора статистических показателей, таких как состояние цифровой среды, культуры, образования и коммуникации/«вовлеченности», а также оценок национальной кухни, культурных обычаев².

В других подходах к оценке «мягкой силы» обращается преимущественное внимание на ее воспри-

ятие в сферах бизнеса и торговли, государственного управления, международных отношений, культуры и культурного наследия³.

В третьих подходах «мягкая сила» рассматривается в ракурсе «мягкого» присутствия, учитываемого в рамках сводного глобального индекса вместе с военной сферой и экономикой⁴.

В четвертых подходах к оценке «мягкой силы» используются результаты опросов граждан об их восприятии той или иной страны (уважении, восхищении, доверии), а также объективной информации об экономике, управлении и состоянии национальной среды⁵.

Имеются также другие «индексные» подходы, при которых «мягкая сила» оценивается на базе комбинации объективных и субъективных данных и суждений, касающихся самых разных областей жизни.

Результатом такого многообразия подходов к рассмотрению данного феномена являются явные расхождения в оценках «мягкой силы» той или иной страны и основных влияющих на них факторов. Например, по данным *Global Soft Power Index 2020* Россия в настоящее время стабильно входит в топ 10 стран — лидеров «мягкой силы»⁶, а согласно индексу, составленному британским PR-агентством *Portland*, она занимает нижнюю половину 3-й десятки стран мира и, более того, ухудшила свои позиции в этом рейтинге, сойдя с 26-го места в 2016 г. на 30-е место в 2019 г.⁷

Преодолеть такие разночтения не помогают многочисленные попытки систематизации подходов к измерению «мягкой силы». В них за основу берутся самые разные критерии: установки авторов (разработчиков и заказчиков), складывающиеся на основе их мотивирования и источников финансирования; взгляды составителей, их приверженность западно-европейской политической культуре (с соответству-

² The Soft Power 30 framework. URL: <https://file:///C:/Users/admin/Downloads/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf>.

³ Global Soft Power Index 2020. URL: <https://brandirectory.com/globalsoftpower>.

⁴ Global Presence Index. URL: <https://brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2020.pdf>.

⁵ Elcano Global Presence Report 2014. Real Instituto Elcano, Madrid, 2020. URL: <https://blog.realinstitutoelcano.org/en/some-thoughts-on-the-pre-covid-world-2019-elcano-global-presence-index-results>.

⁶ Global Soft Power Index 2020. URL: <https://brandirectory.com/globalsoftpower>.

⁷ The Soft Power 30 framework. URL: <https://file:///C:/Users/admin/Downloads/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf>.

ющими акцентами на толерантность и политические свободы) или другим системам ценностей; объекты «мягкой силы» (туристы, бизнесмены, иммигранты и др.); предметы «мягкой силы» (узнаваемость и восприятие/привлекательность государств и их ресурсов или активов «мягкой силы»); уровни взаимодействия субъектов и объектов «мягкой силы» (между гражданами; группами граждан и организациями; правительствами) и др.

Часто такие критерии комбинируются, и вновь созданные сложные комплексы сами становятся объектами для дальнейшей систематизации и классификации. Например, систематизацию на базе предмета исследования дополняют критериями типов государственных ресурсов «мягкой силы», которые подразделяются по средствам использования и результирующей силе государства. При оценках результативности применения того или иного средства в качестве критерия систематизации выделяют также выбор актива «мягкой силы», подразделяя его на направления использования и их оптимальное сочетание; готовность объекта «мягкой силы» положительно оценивать выбранное субъектом средство, в том числе с позиции экономической отдачи, и в соответствии с направлением его воздействия корректировать свое поведение.

Несмотря на такое множество вариантов измерения и классификаций «мягкой силы», специалисты признают незавершенность своих поисков, в том числе из-за их неспособности учесть несопоставимые параметры национальных контекстов «мягкой силы», значимость их отдельных составляющих и влияющих на «мягкую силу» факторов⁸.

ИНИЦИАТИВА BRI И «МЯГКАЯ СИЛА»

Работа с социально-культурными связями и установками в странах — партнерах инициативы «Один пояс — один путь» (*Belt and Road Initiative, BRI*) активно проводится в общих рамках политического курса китайского государства на принципах нового или «мягкого» регионализма. В отличие от старого курса, он предполагает модификацию методов властного управления в различных сферах жизни общества и на международной арене, обращение к «мягкой силе» с опорой на гуманитарные,

⁸ Trevort G. F., Jones S. G. Measuring National Power. Conference Proceedings. Santa Monica, California, etc., RAND Corporation, 2005. 35 p., p. 24. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/2005/RAND_CF215.pdf.

экологические и иные общечеловеческие ценности при взаимодействии сторон; нацеленность на формирование региональной идентичности на базе не только одних межправительственных соглашений, но и иных, менее формализованных связей.

Консолидация этого курса в рамках *BRI* во многом стала результатом экономического развития этой инициативы, в том числе увеличения масштабов участия в ней бизнеса и поиска способов его эффективного обеспечения в последующем.

Заключение 3 тыс. инфраструктурных, производственных и иных проектов в рамках *BRI* на общую сумму 4 трлн долл. США; бурный рост инвестиций в экономики стран — партнеров Китая, размер которых превысил в начале текущего года 90 млрд долл. США и составил 13% всех прямых инвестиций страны в нефинансовые проекты; стремительное развитие благодаря им торговых региональных связей (в 2014–2018 гг. средние темпы роста торгового оборота Китая с партнерами по *BRI* достигали 6,1% ежегодно, в 2019 г. они увеличились до 10%, в результате чего Китай стал крупнейшим торговым партнером 25 стран — участниц *BRI*), а также мультипликативные эффекты повышения инвестиционной активности, увеличение производства, интенсификация трансфера технологий и другие благоприятные воздействия на экономику и развитие. Однако они имели свою оборотную сторону, которая далеко не всегда компенсировала их⁹.

К ней относятся возрастание рисков инвесторов и увеличение задолженности стран, далеко не всегда способных рассчитаться по ней. Размеры высокорисковых инвестиций, накопленных с начала действия инициативы *BRI* в 2013 г., оценивались на начало текущего года в 280 млрд долл. США. В Киргизии и некоторых других странах задолженность в рамках *BRI* составила около 30% ВВП, значительно превысив рубеж безопасности в 8%. 23 страны, получатели инвестиций в рамках инициативы *BRI*, оказались на грани банкротства, а еще восемь государств приблизились к этому уровню.

Данные негативные результаты вызвали настороженное отношение к *BRI* у стран-реципиентов, а также других государств. На международном уровне они выражали опасения по поводу растущего влияния Китая, некорректности в условиях финансирования,

⁹ BRI connect: an initiative in numbers 4th edition. URL: https://www.refinitiv.com/content/dam/marketing/en_us/documents/reports/refinitiv-zawya-belt-and-road-initiative-report-2019.pdf.

в том числе в части требований, предъявляемых к состоянию коррупции в стране-заемщике, ее финансовой устойчивости и ряду других параметров. Предметом критики партнеров Китая по инициативе *BRI* и упреков в получении им односторонних выгод стало также преобладание в проектах китайского бизнеса государства.

В этих условиях действенным ответом КНР стали поиски компромисса в решении проблемы задолженности (например, посредством предоставления отсрочки ее погашения, реструктуризации и перекредитования долга); списание совместно с *G20* задолженности беднейших стран и другие меры.

Добрая воля Китая проявилась также в его помощи беднейшим участникам инициативы *BRI*, передаче партнерам знаний в научно-образовательной сфере (образовательные проекты в Таиланде и Мьянме); организации обмена естественно-научными, обществоведческими и гуманитарными знаниями в разных сферах; поддержке населения стран-участниц *BRI* в их борьбе с бедностью, обеспечении их социально-экономического развития и образования.

Важную роль в улучшении имиджа Поднебесной на международной арене сыграло усиление экологической направленности *BRI*. К концу I квартала 2020 г. размеры инвестиций в «зеленые» проекты (солнечную, ветро- и атомную энергетику) сопоставимы с вложениями в нефтегазовые проекты (порядка 262 млрд долл. США).

Будучи участником программы ООН по устойчивому развитию, Китай подписал соглашения об экологическом сотрудничестве с более чем 30 странами; организовал Международную коалицию по вопросам «зеленого» развития *BRI*; разработал специальные руководства по экологической составляющей проектов *BRI*; составил план сотрудничества в этой области для стран-участниц; в целях достижения согласия и сотрудничества на международной арене по превращению инициативы *BRI* в максимально экологичный проект, обеспечивающий устойчивость и развитие, Китай создал специальную структуру (*Belt and Road Initiative International Green Development Coalition*), находящуюся под контролем Министерства по вопросам экологии и окружающей среды, в которой участвует более 140 организаций Китая и 36 зарубежных стран.

Новым важным направлением демонстрации доброй воли Китая для дальнейшего продвижения инициативы стало заявление руководства страны

на 2-м форуме *BRI* в 2019 г. по вопросам международной кооперации о переориентации политики участия КНР в инициативе *BRI* с одностороннего сотрудничества, предусматривающего преобладание китайских участников в проекте, на многостороннее взаимодействие с предоставлением выгод всем участникам. Инициативу *BRI* предлагалось рассматривать уже не в качестве клубного блага, программы помощи или некоего «плана Маршалла», а как открытый проект, в котором всякое государство могло участвовать на взаимовыгодной основе, т.е. отдавая и получая взамен.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЕАЭС И ОЦЕНКИ ЕГО УЧАСТНИКОВ

В настоящее время в ЕАЭС происходят процессы, сопровождающиеся принятием ряда мер, направленных на поддержку социальной связанности и контактов между гражданами стран — участниц Союза: установление безвизового режима и взаимных преференций участникам ЕАЭС в отношении признания документов об образовании, прав на медицинскую помощь; установление договорных отношений с работодателями; получение базовых социальных гарантий для себя и членов семьи. Свидетельствами продуктивности таких усилий становятся масштабная трудовая миграция в Россию из других стран региона, денежные переводы мигрантов на родину, сохранение между населением членов ЕАЭС многообразных социально-культурных связей.

Однако такие процессы слабо подкреплялись до недавнего времени экономическим взаимодействием. Институциональное строительство не приводило к заметному увеличению взаимных потоков товаров, услуг и капиталов вследствие сложных и длительных согласований позиций сторон, не способствующих усилению взаимосвязанности национальных экономик.

В ЕАЭС медленно формировались отраслевые рынки (электроэнергетический, газа, нефти и нефтепродуктов, финансовый). По оценкам экспертов формально запущенный в 2018 г. общий рынок лекарственных средств ЕАЭС начнет полноценно работать не ранее 2025 г. Государства — члены ЕАЭС продолжали применять друг против друга нетарифные ограничительные меры (санитарные, фитосанитарные, ветеринарные и др.), устанавливались нетарифные барьеры.

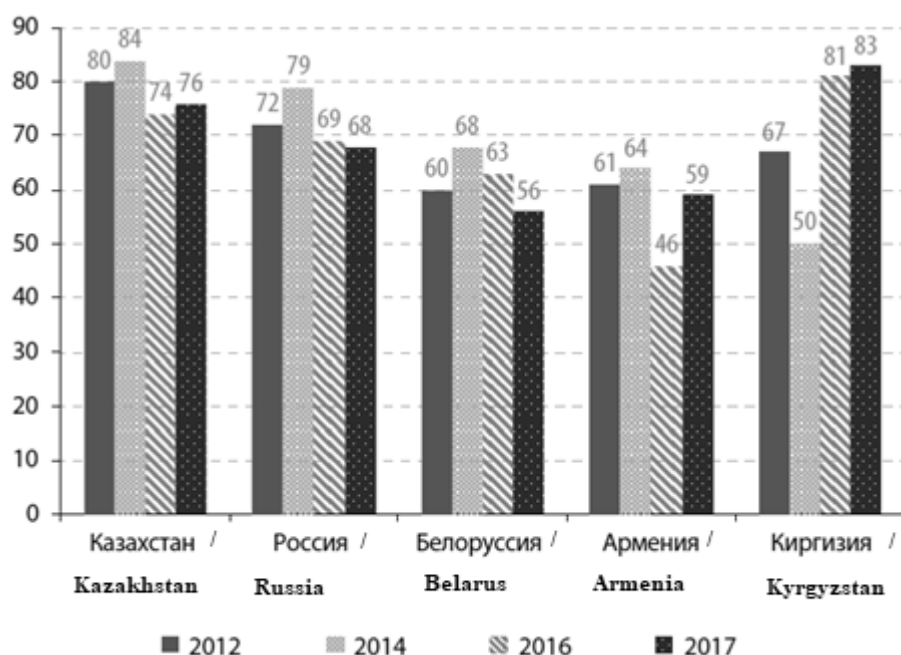

Рис. / Fig. Доля респондентов, относящихся к ЕАЭС положительно, в % от участвовавших в опросе / The quota of the survey respondents which treat the EAEU positively

Источник / Source: Хейфец Б. Евразийский экономический союз – время для модернизации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 29–50. – ISSN 2542–0240. / Kheifetz B. The Eurasian economic Union – the times for modernization. *Konturi globalnikh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* = The contours of global transformations: policy, economy, law. 2019;12(2):29–50. (In Russ.).

Между странами все чаще возникали экономические конфликты по поводу их участия в третьих организациях (например, ВТО), уровней оплачиваемых ими таможенных пошлин, «специальных зон» с особым таможенным режимом, различий в торговой и валютной политике, высокой волатильности рынков, рассогласованного применения других инструментов экономического управления и развития.

Трудности координации действий между партнерами ЕАЭС усиливала происходящая примитивизация структуры их производства, вызываемая задержками в его модернизации и освоении новых технологий, сохранением у некоторых партнеров «постсоветского синдрома», а также замедлением динамики взаимной торговли. При абсолютном увеличении ее объемов (с 45 млрд долл. США в 2015 г. до почти 60 млрд долл. США в 2018 г.) размер взаимной торговли относительно регионального ВВП вырос незначительно — с 2,8 до 3,1% [12]. На фоне интенсификации торговых связей вне региона доля внутрирегиональной торговли оставалась неизменной (14% по экспорту и 20% по импорту). ЕАЭС не достиг стадии устойчивого объединения, которая

предполагает 25%-ное значение показателя доли внутрирегиональной торговли [13].

Ограничения торговой интеграции дополнялись слабостью взаимных потоков капитала, обуславливающейся небольшими размерами национальных рынков, высокими страновыми рисками, отсутствием у партнеров выраженных сравнительных преимуществ относительно друг друга, высокими транспортно-логистическими издержками и отсутствием привлекательных для использования перспективных технологий.

Плохо преодолевались расхождения в налоговой области, которую согласно Договору о ЕАЭС следовало гармонизировать. Тем не менее до настоящего времени разница в национальных ставках налога на прибыль, НДС, НДФЛ и обязательных страховых взносах достигает 100% и более [14]. Такие расхождения имеют тенденцию к усилению. Например, снижение ставок НДС в Казахстане с 2018 г. до 12% контрастировало с его ростом в России до 20% с 2019 г.

В результате региональное объединение становилось для своих участников все менее значимым и способным стимулировать национальные эконо-

мики. Нисходящая динамика темпов роста производства стран ЕАЭС и уменьшение доли организации в мировом ВВП (с 3,9% в 2015 г. до 3,7% в 2018 г. при исходных 5,8% в 1992 г.) вступали в прямое противоречие с целями объединения, повышением благосостояния и качества жизни граждан его стран¹⁰ [15]. В результате национальные участники все более концентрировались на решении собственных задач развития.

Неудачи сложившейся в ЕАЭС экономической модели и ее неэффективность для граждан и бизнеса стран-участниц уменьшили доверие к деятельности этой организации. Несмотря на глубокие социальные, культурные и исторические связи между партнерами, доля положительно относящихся к ЕАЭС граждан его крупнейших участников (России, Белоруссии и отчасти Казахстана) снижалась (см. рисунок).

Слабые результаты функционирования хозяйственной модели, складывающейся в ЕАЭС в качестве экономического основания «мягкой силы» в регионе, обусловили ухудшение состояния ее самой и ограничили возможности использования «мягкой силы» для консолидации интеграционного взаимодействия и укрепления его экономических оснований.

¹⁰ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза, утвержденная распоряжением Высшего Евразийского экономического совета от 06.12.2018 № 9.

ВЫВОДЫ

Сопоставление соотношения практик трансграничной экономической интеграцией и «мягкой силы» в рамках инициативы *BRI* и ЕАЭС подтвердило наличие между ними взаимосвязи и взаимозависимости.

При этом «мягкая сила» выступает в качестве относительно самостоятельного фактора интеграционного развития, способного ограничивать его или, напротив, поддерживать. Анализ усилий китайского руководства для продвижения инициативы *BRI* показывает, что целенаправленное управление этими факторами позволяет облегчать региональное взаимодействие, одновременно преобразуя и стимулируя его.

Это дает основание предположить, что целенаправленное совершенствование/изменение экономической модели региональной интеграции позволяет не только укреплять «мягкую силу», но и использовать ее для дальнейшего усиления регионального сотрудничества.

В практическом плане, несмотря на ограниченную правомерность любого сопоставления общественно-экономических объектов в условиях нарастающего взаимодействия Китая со странами ЕАЭС в рамках инициативы *BRI*, ее учет представляется весьма полезным для трансформации экономической составляющей ЕАЭС.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Carr E. The Twenty Years' Crisis 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan; 1946.
2. Lukes S. Power: A Radical View. London: MacMillan Press, 1974.
3. Nye Joseph S. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. 167 p.
4. Харкевич М. М. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-Университета. — 2014. — № 2. — С. 22–29. — ISSN 2071–8160.
5. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 206 p.
6. Рустамова Л. Р. Механизм действия и пределы использования концепции «мягкая сила» // Ойкумена. — 2018. — № 1. — С. 145–154. — ISSN 1990–4765.
7. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы. Вестник МГИМО-Университета. — 2017. — Т. 3. — № 54. — С. 212–223. — ISSN 2071–8160.
8. Будаев А. В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. — 2015. — № 48. — С. 183–205. — ISSN 3070–1381.
9. Кононенко В. А. Создать образ России? // Россия в глобальной политике. — 2006. — № 2 (март-апрель). — ISSN 1810–6439. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6562.
10. Nye J. The Future of Power. Public Affairs. New York; USA, 2011. 320 p.
11. Knight J. The limits of soft power in higher education. University World News. 2014;31(305). URL: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20140129134636725>.
12. Вардомский Л. Евразийская интеграция и Большое евразийское партнерство // Россия и новые государства Евразии. — 2019. — № III (XLIV). — С. 9–26. — ISSN 2073–4786.

13. Зевин Л.З. Постсоветское пространство: региональная составляющая экономического роста. Научный доклад. — Москва: ИЭ РАН, 2009. — 46 с.
14. Хейфец Б. Евразийский экономический союз — время для модернизации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2019. — Т. 12. — № 2. — С. 29–50. — ISSN 2542–0240.
15. Господарик Е., Ковалев М. Перспективы ЕАЭС: экономический рост при инновационном рывке // Банकाўскі веснік. — 2020. — Красавік. — С. 39–48.

REFERENCES

1. Carr E. The Twenty Years' Crisis 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London, Macmillan; 1946.
2. Lukes S. Power: A Radical View. London: MacMillan Press; 1974.
3. Nye Joseph S. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. 167p.
4. Kharkhevitch M. «Soft power»: the political application of the scientific conception. *Viestnik MGIMO Universiteta = MGIMO Review of International Relations*. 2014;(2):22–29. (In Russ.).
5. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 206 p.
6. Rustamova L. The Mechanism and the limitations of the “Soft power” concept application. *Oikumena = Oikumena*. 2018;(1):145–154. (In Russ.).
7. Lebedeva M. «The Soft power»: concept and approaches. *Viestnik MGIMO Universiteta = MGIMO Review of International Relations*. 2017;3(54):212–223 (In Russ.).
8. Budaev A. «The Soft power» in the foreign policy of Russia: the sources, peculiarities, perspectives. *Gosudarstvennoye upravlenie = The state governance*. 2015;(48):183–205. (In Russ.).
9. Kononenko V. To form the image of Russia? *Rossia v globalnoi politike = Russia in global policy*. 2006;2(3–4). (In Russ.). URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6562.
10. Nye J. The Future of Power. Public Affairs. New York: USA; 2011. 320 p.
11. Knight J. The limits of soft power in higher education. *University World News*. 2014;31January(305). URL: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20140129134636725>.
12. Vardomski L. The Eurasian integration and the large Eurasian partnership. *Rossia y novaye gosudarstva Evrazii = Russia and the new states of Eurasia*. 2019; III (XLIV):9–26 (In Russ.).
13. Zevin L. The Postsoviet Space: the regional component of the economic growth. The research report. Moscow: IE RAS; 2009. (In Russ.).
14. Kheifetz B. The Eurasian economic Union — the times for modernization. *Konturi globalnikh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo = The contours of global transformations: policy, economy, law*. 2019;12(2):29–50. (In Russ.).
15. Gospodarik E., Kovalev M. The EAEU' parspectives: the economic growth under the innovations breakthrough. *Bankovski vecnik = The Banks' Review 2020; Kresavik*:39–48. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгения Львовна Морева — кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора Института промышленной политики и институционального развития, Финансовый университет, Москва, Россия
ELMoreva@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya L. Moreva — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Deputy Director of the Institute of Industrial Policy and Institutional Development, Financial University, Moscow, Russia
ELMoreva@fa.ru

Статья поступила 15.10.2020; принята к публикации 02.12.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 15.10.2020; accepted for publication 02.12.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.